

Анастасия Вернер

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Анастасия Вернер

Заклинатель драконов

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2017
 SARMA
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В35

Серия основана в 2011 году
Выпуск 310

Художник
А. Клепаков

Вернер А.

В35   Заклинатель драконов: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 345 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2506-8

Они оба живут двойной жизнью.

Днем она — Марита Хорвин, дочь разорившегося графа. Ночью — Джон Рут, девушка, переодетая парнем, участвующая в запрещенных соревнованиях. Женщинам туда путь закрыт, но только там она может на некоторое время стать другим человеком.

Днем он — Ричард Бёме, невероятно богатый герцог. Говорят, ради такого состояния он продал душу дьяволу. О нем никто почти ничего не знает. Его личность покрыта тайной. Ночью он — Тим Донг, один из лучших наездников в истории Гонок. Говорят, сама Тьма повелевает его драконом.

Давным-давно семьи Хорвинов и Бёме заключили нерушимый союз. В день своего восемнадцатилетия Марита выйдет замуж за Ричарда... Но, пока Марита Хорвин и Ричард Бёме готовятся к свадьбе, Джон Рут и Тим Донг по-прежнему остаются злейшими соперниками и непримиримыми врагами.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2506-8

© Анастасия Вернер, 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

Мне кажется, на свете существует три вида страха.

Постыдный страх, присущий каждому живому существу на этой планете. Нам не хочется бояться, но противные холодные руки тянутся к сердцу, сжимают его, заставляя нас задыхаться от собственной слабости, которую мы не в силах побороть.

Благородный страх, который присущ не каждому. Испытывал его лишь тот, кто по-настоящему был к кому-то привязан крепкими семейными или, быть может, любовными узами. Эти узы приковывают людей друг к другу, и когда им грозит внешняя опасность — мы боимся.

Иступленный страх. Страх, который вонзается острыми иглами в каждую клеточку тела и, как бы странно это ни звучало, заставляет кричать от восторга.

Я боялась. Боялась до такой степени, что готова была выпрыгнуть из седла навстречу ледяным вихревым порывам.

В скорости всегда есть что-то особенное. И адреналин, который бешеным темпом бежит по крови. И ветер, который бьет в лицо с такой силой, что слезятся глаза. И громко стучащее сердце, замирающее в те мгновения, когда приходится совершать очередной маневр.

Я крепче вцепилась в седло. Посмотрела вправо. Огромная тень метнулась в нашу сторону, взмахнула крыльями, поднимаясь выше, а затем из клыкастой пасти вырвалась струя огня.

Мы с Фенькой терпеть не можем огонь. Рьяный, необузданный, неукротимый и очень-очень обжигающий. Из всех четырех стихий он самый болезненный для нас.

— Феня, вниз! — резко скомандовала я.

Дракон среагировал мгновенно, спланировал вниз по спирали, уходя от обжигающих языков пламени.

— На счет три! — крикнула сквозь свистящий ветер. — Три!!!

Фенька взметнулся вверх, оставив позади огненный поток, и начал набирать скорость. Достигнув нужной высоты, широко расправил крылья и, накренившись влево, стал падать вниз.

Одной рукой я крепко держалась за седло, а второй выпустила ледяные иглы. Они устремились точно в нашего противника, заставив того пикировать вниз, чтобы увернуться.

Фенька изящно развернулся и спланировал аккуратно над головой Борзого Сокола. Размахнувшись, кинула в соперника специальным снарядом, прозванным среди наездников «бомбочка». Послышался взрыв, за ним — отборный мат. Над мужчиной образовалась плотная красная дымка.

Бомбочка не убивает, лишь на время усыпляет бдительность, выводя противника из строя. Этого времени достаточно, чтобы прорваться вперед.

Ударив ногами по чешуйчатым бокам, направила своего дракона обгонять остальных участников гонок.

Мы с Фенькой быстро приблизились к мерзком типу по кличке Рогатый Дог и его шипастому дракону. Так, тут нужно быть предельно осторожными. С этими ребятами лучше не шутить. Огнем на нас не дыхнут, зато шипами закидают точно и превратят в мертвых ежей.

— Давай «бочку», — шепнула, наклонившись, своему дракону.

Фенька подлетел ближе. Шипастый повел мордой в сторону, словно что-то учуял, и, заметив незваных гостей, попытался достать до нас, размахнувшись хвостом.

— А ну-ка покажи этим гадам! — возмутилась я.

Рогатый Дог прекрасно знал, что их кто-то преследует. Но увидеть нас не мог, поэтому заставлял своего дракона произвольно выпускать шипы, надеясь попасть наугад.

Фенька уходил от них с легкостью. Сложив крылья, он стрелой метнулся к растерянному наезднику. Одним резким выпадом сбил вражеского дракона с траектории. Потом развернулся и с размаху ударил хвостом в бок. Рогатый Дог не отказывал себе в эпитетах, когда пытался вернуть равновесие животному.

Мы же устремились вперед. К финишу.

Ничего, осталось совсем немного.

Еще нескольких наездников я вывела из строя запасенными бомбочками. Один раз пришлось уйти от очередной струи огня.

И, наконец, мы зашли на второй круг — последний.

— Фенечка, малыш, давай, поднажми, — тихо попросила я.

Впереди показались очертания нашего последнего противника.

Тима Донга.

Три прошедших года — абсолютного чемпиона Недельного залета. Что ж, может, в этом году мне повезет и я смогу обогнать его хотя бы на начальных этапах гонки?

— На этот раз мы победим, — ободряюще шепнула Феньке.

Пригляделась внимательнее к очертаниям темной фигуры. Проверила тросы. В прошлый раз я позорно вылетела из седла и болталась в воздухе, пока Фенька не приземлился. В этот раз такого не будет. В этот раз я пересеку финишную черту если не первой, то хотя бы второй.

Мы старались приближаться как можно тише, потому что любой взмах крыльев мог стать решающим.

Тим Донг летал на темном драконе, что было логично, ведь сам мужчина владел четвертой стихией — тьмой. Воочию эту силу я еще не видела, хотя и знала о ней немало.

Приближаться к наезднику было страшно. Я постаралась отбросить лишние мысли в сторону — мне хотелось сохранить ясную голову.

Фенька уже почти достиг противника, но вдруг дракон Донга с невероятной скоростью устремился вверх, сделал петлю и спланировал аккуратно за нашими спинами.

Я услышала свист за несколько секунд до того, как в меня попал снаряд, и успела направить Феньку вправо, уходя от бомбочек. Черт! Нас едва не сбили!

Стиснув зубы, стала направлять своего дракона в разные стороны, уклоняясь от снарядов. Этот Донг совсем очумел! Главное, он даже магию не использует, пытается добить нас примитивными средствами, берет на измор. Нет уж, не на тех напал!

Проблема заключалась в том, что его дракон был намного больше моего. Фенька еще молодой совсем, ему не хватит сил сбить нашего противника.

Я не оборачивалась на темную фигуру наездника. На это не было времени: бомбочки летели со всех сторон. Поэтому просто замахнулась и решила выпустить ледяные иглы наугад, но в самый последний момент испугалась. Вдруг попаду? Вдруг это обернется для мужчины смертельным исходом?

Вздохнув, вновь ухватила вторую руку за седло.

Ладно. Главное — продержаться до финиша. Донг все равно сзади!

Стоило об этом подумать, как прямо над нами пронеслась огромная устрашающая тень. Сердце екнуло. Фенька успел издать испуганный рык. А затем из пасти вражеского дракона вырвалась тьма.

Это был огонь, но только черный и, увы, такой же обжигающий. Я едва успела выставить ледяной щит. Дымка окутала нас полностью, не скрыв наших очертаний.

Тим Донг запустил в меня бомбочку.

Едкий красный дым застилал глаза. Я закашлялась. Феньке сейчас было не лучше. Продолжать полет в таком состоянии нельзя — велика вероятность врезаться в скалы и разбиться.

— Дружок, спускайся! — чуть не плача от обиды, крикнула я.

И снова проиграли.

Как же я ненавижу этого Донга!

В загоне из всех углов, как обычно, воняло так, словно все присутствующие посчитали своим долгом опорожниться. Я поморщилась и, покрепче перехватив трос, прикрепленный к седлу, повела Феньку на его место.

Шум, гам, громкие возгласы, пьяный смех, грубые высказывания стали уже привычными для моих неизощренных ушей. Особо нетерпеливые наездники распивали пиво и рассказывали о гонке, разбавляя свою речь такой матерной бранью, что различить радость в этих словах можно было только по интонации. Драконы выглядывали за деревянные перегородки и издавали призывное рычание, пытаясь заставить своих хозяев обратить на себя внимание.

Говорят, драконы — порождение хаоса. Говорят, они хищники и готовы любыми способами добывать себе еду. Говорят, человеческое мясо для них как опиум.

За долгие века люди сделали все, чтобы истребить драконов как вид.

Все, да не все.

Здесь собрались те, кто не верил в эти глупые домыслы и не поощрял жестокость по отношению к братьям нашим бóльшим.

Мы все — одна большая семья, несмотря на то что являемся соперниками в борьбе за участие в Недельном залете. Нас объединяет одна слабость — любовь к драконам, и это же заставляет скрываться в дальних землях.

Фенькино стойло находилось в самом конце загона. Место, конечно, неприметное — это хорошо. Но и одинокое. Дракон-

чик скучал, что меня очень расстраивало. Однако в финансах я сейчас была ограничена, а там места дешевые.

— Ну ты чего, расстроился, что ли? — с улыбкой спросила я и провела рукой по голубой чешуе.

Мы как раз дошли до нужного деревянного заборчика, построенного больше для вида. Драконы в любой момент могли покинуть стойло по мысленному призыву хозяина, поэтому преграда была условной.

Седло я снимать не стала, так как наши полеты еще не закончились. Зато прием свеженького сырого мясца и чистка шкуры, что драконы воспринимали скорее как массаж после тяжелого соревнования, считались обязательными.

Взяла специальную щетку и принялась водить ею по чешуйчатой морде.

— Не расстраивайся, Фенька, мы тут всего три месяца. У нас все впереди. Уж поверь мне, однажды этот Тим Донг пожалеет о том, что к нам сунулся.

Фенька скосил взгляд, что-то заметил и стыдливо зарычал. Я поспешно обернулась. Тим Донг с непроницаемым видом прошел к концу загона и завел темного дракона в стойло, расположенное аккурат напротив нашего.

Мы с Фенькой затравленно переглянулись, тщетно стараясь скрыть накрывший нас ужас. Вблизи дракон Донга оказался больше моего раза в два, если не в три!

— Без паники, — шепнула я. — Он толстый и неповоротливый, — попыталась успокоить Феню.

Фенька придиричиво глянул на соперника, смущенно потупился и уперся носом мне в бок, мол, чеши дальше.

Не то чтобы я прямо глаз не сводила с Тима Донга, но периодически поглядывала исподтишка на его действия. В какой-то момент он решил накормить своего питомца... хлебом. У меня вырвался тихий смешок.

— Какие-то проблемы? — Мужчина тут же повернул голову, словно только и дожидался каких-то звуков с моей стороны.

— Нет. — Я поспешно потупилась и уставилась в пол.

Да уж, парень из меня хоть куда! С такими повадками точно девчонкой будут считать.

— А вообще, — низко прохрипела, подражая мужскому голосу, — я хотел тебя поздравить с победой.

На меня посмотрели совсем уж недоверчиво.

— Спасибо, — скупно отозвался Тим Донг.

Поговаривали, что когда-то он не справился с драконом и тот полоснул его крылом прямо по горлу. Всадника спасли,

а вот его голосовые связки — нет. И с тех пор Тим Донг сипел так, будто находился при смерти.

Если совместить это с повязкой, закрывавшей половину его лица, разговаривать с этим человеком вообще не возникало никакого желания.

Я набрала в легкие побольше воздуха и выдала авторитетным голосом:

— Сегодня ты, может, и заслуженно победил, но впереди еще несколько туров, так что советую не обольщаться.

Темный дракон презрительно фыркнул.

Тим Донг, в отличие от своего питомца, оставил мою речь без внимания. Он спокойно закончил все свои дела в загоне и даже головы не повернул в мою сторону.

Я пожалала плечами и принялась скармливать Феньке сырое мясо. В какой-то момент заметила, что мужчина вышел из загона и остановился напротив меня.

— У тебя усы отклеились, — снисходительно «обрадовал» он и уверенной походкой направился к выходу.

Я судорожно провела рукой над верхней губой и с ужасом поняла, что усы действительно отклеились!

Неужели я только что выдала себя?!

— Знаешь, Фенька, притворяться парнем уже не кажется хорошей идеей, — удрученно сообщила своему дракону, поставила пустое ведро и щетку в угол и, попросившись, закрыла стойло.

Вздохнув, поплелась туда же, куда шли все участники гонок, в том числе и Тим Донг. В кабак.

К сожалению, женщинам в подобных соревнованиях участвовать нельзя. Поначалу, когда я сунулась сюда без прикрытия и мне невежливо посоветовали уходить по-хорошему, я думала, что для этого есть объективная причина. Но всему виной оказались предрассудки. Глупые, наиглупейшие предрассудки! Женщины не ходят на петушинные бои, потому что это не дамское занятие. Женщины не делают ставки на скачках, потому что у них нет права голоса. Женщины не участвуют в гонках, потому что за них кто-то должен отвечать.

Это несправедливо. Если всех собравшихся здесь объединяют любовь к драконам, тяга к полетам, к скорости, к высоте, азарт и предвкушение победы, то почему же люди до сих пор не могут выйти за рамки общепринятых понятий?!

Увы, если с причинами происходящего еще можно как-то бороться, то предрассудки искореняются лишь временем.

Его-то у меня и не было.

Фенька рос не по дням, а по часам, и прятать его в родном графстве стало опасно. Не дай бог, кто-нибудь увидит и донесет стражникам. Феньку тут же убьют. Поэтому я прятала его в этих загонах. Но обязательное условие для предоставления места — участие в гонках.

По правде сказать, в этом нет ничего плохого. Именно благодаря соревнованиям я поняла, к чему меня действительно тянет.

Мы с Фенькой как единое целое. Чувствуем любое колебание в эмоциях друг друга. Он мой самый лучший друг. Стремление уверенно лететь против ветра, рассекая пушистые облака, у нас в крови. Мы с ним вместе жаждем не просто свободы, а чего-то большего, когда сердце уходит в пятки от предвкушения победы. В этом году мы обязательно должны попасть на Недельный залет. Соревнование невероятно опасное, но оно того стоит.

Только вот для начала надо выиграть хотя бы один промежуточный этап, а из-за Донга это становится все сложнее. К тому же никто не должен узнать, что я девушка. В принципе притворяться парнем не так уж трудно: ходи себе, плюй на каждом углу, рассказывай пошлые анекдоты и периодически проверяй, не отклеились ли усы.

Сначала я хотела перевязать лицо и рассказывать всем про страшное увечье. Но потом увидела Тима Донга и поняла, что буду выглядеть глупо, словно пытаюсь подражать.

У него повязка закрывала ровно половину лица. Говорят, под ней такой шрам, что на него не могут смотреть даже девушки легкого поведения. А уж они-то точно всего повидали.

Хотя я их понимала. Этот мужчина пугал сам по себе.

— Джон! — заорали сзади грубым басом. — Джон!!!

Я не сразу поняла, к кому обращаются. В обычной жизни меня зовут Марита Хорвин, но здешние знают под именем Джона Рута.

Повернулась и печально вздохнула.

— Ты когда за аренду загона платить будешь?! Месяц уже почти прошел!

Крупный седой мужчина с близко посаженными глазами и огромным носом-картошкой был арендатором.

— Скоро заплачу. Вот женюсь на богатенькой девчонке и сразу заплачу за несколько месяцев вперед!

Вообще-то шутка так себе. Но мужчина заржал. Я тоже улыбнулась.

— Не смей задерживать, как в прошлый раз, понял?

— Понял-понял.

Как будто это от меня зависит.

— Ладно, беги праздновать победу, малютка Джон! — заявили мне и даже хлопнули по плечу, вышибая весь воздух из легких. — А, стой, ты ведь не победил! Аха-ха-ха!!!

Я огорченно посмотрела вслед удаляющемуся толстяку, который трясся от смеха, и поплелась в кабак.

Как бы мне ни хотелось скорее сбежать домой, нужно было выдержать эти несколько часов. А то тут не в почете те, кто не заходит выпить хотя бы кружку пива. Видите ли, тогда ты «настоящий мужик». Да если бы это измерялось количеством пива...

Уже при подходе к приземистому домику послышались дикие матерные кличи, ор, битье стекла, ну и прочие звуки, означающие, что «настоящие мужики» веселятся и празднуют.

Я открыла дверь и зашла внутрь, привычно поморщившись от неприятного запаха. Тут смешались и дух алкоголя, и мужской пот, и женские приторные духи, попахивало даже загоном для драконов, ведь он располагался буквально в шаговой доступности.

Огромная стойка находилась в центре зала. Вокруг нее — столики, набитые наездниками, не спешащими раскрывать свои настоящие имена. По помещению сновали активные служанки с аппетитными формами. Во всяком случае, в этом меня однажды заверил Рогатый Дог, ткнув пальцем в одну из девушек и сказав: «Грудь — во!»

А на втором этаже находился увеселительный дом.

В общем, если подумать, все не так уж плохо. Особенно если учесть, что гонки проходят в горах, на территории, отделенной от ненужного внимания остального мира глубокой расщелиной. Простым смертным сюда не добраться.

Я быстрым шагом подошла к стойке, заказала себе огромную кружку пива. Кивнула наезднику по кличке Факс, посмеялась над унылыми шуточками и, схватив свой заказ, почти бегом направилась к лестнице.

Номер моего убежища на следующий час — тридцать шесть. Комната почти всегда свободна. В основном потому, что тут небольшая скрипящая кровать, два стула, давно не мытые пол и окна, да и вообще помещение больше напоминает чердак. Зато неприметное — то, что надо.

Я открыла незапертую дверь, подошла к окну и вылила содержимое кружки на улицу.

— Ты уже пришла? — раздался позади веселый женский голос.

Без союзников поддерживать репутацию парня «хоть куда» довольно трудно.

С Симоной мы знакомы всего три месяца, но девушка спокойно отнеслась к моей тайне, и теперь в номере тридцать шесть мы вместе отдыхаем от внешнего мира.

— Слышала, Донг тебя снова обогнал, — сочувствующе сказала подруга и уселась на кровать.

Я примостилась на подоконнике и грустно улыбнулась. Развязала косынку, которая скрывала волосы. Подстричься под мальчика я не могла, но и показывать косу, доходящую до пояса, тоже не имела возможности.

Владение ледяной стихией сказалось на цвете волос. Я знала, что сейчас, в нежном свечении луны, они похожи на топаз и переливаются разными оттенками от почти прозрачного белого до синего. Но при свете дня волосы были просто бледно-голубыми. Ничего особенного.

Если я не взмывала ввысь, где студеные порывы ветра пробирают до самых костей, а находилась среди всей этой массы людей, голова жутко потела. Поэтому, когда я снимала косынку, чувствовала невероятное облегчение. Ох, еще бы распустить волосы, но нельзя: коса плотно прилегает к спине.

— На самом деле Донг — уже не главная проблема. Мне нужно придумать клятвы, — подавленно сказала я.

Симона поглядела на меня с сочувствием. Несмотря на то что лунный свет едва-едва освещал комнату, жалость угадывалась и в движениях девушки, и в ее сокрушенном вздохе.

— Клятвы — это глупость, — постаралась утешить подруга. — Наговори первое, что придет в голову, а там уже разберетесь.

Я мягко улыбнулась.

Симона — рыжеволосая красавица. У нее яркая внешность: тонкие черты лица, большие глаза, прямой нос и пухлые губы. Небеса наградили ее прекрасной фигурой, которую девушка не скрывала. Больше, конечно, не по собственной прихоти, а из-за требований заведения. Но даже несмотря на свою профессию, Симона о семейной жизни знала ровно столько же, сколько и я.

То есть ничего.

— Я должна придумать клятвы, которые обязана буду исполнить перед мужем. Но какие клятвы можно принести человеку, которого ни разу не видела?

— Свадьба завтра? — уточнила Симона.

Я кивнула и уставилась в пол.

— Хочешь, устроим тебе побег?

— Я не могу, ты же знаешь. Нельзя нарушить договор. К тому же его деньги спасут нас от нищеты. — Стоит признать: оправдывалась я больше для себя.

— Тогда просто не думай об этом. Кстати, я тебе тут кое-что принесла! — нарочито радостно воскликнула рыжая подружка и, подскочив ко мне, продемонстрировала... ночную сорочку.

— Это зачем? — не поняла я.

— Это для вашей первой брачной ночи.

— Она же прозрачная, — пролепетала, заливаясь румянцем.

— Именно. Это поможет — разгорячит страсть и сделает процесс не таким противным.

Знаю, что Симона хотела успокоить. Но ее слова только усилили панику.

Подруга про брачную ночь рассказала намного доходчивее, чем сбивающаяся и нервничающая мама. Девушка даже постаралась объяснить, какой должна быть последовательность моих действий. Но легче от этого не стало.

— Спасибо, — поблагодарила я и слегка трясущимися руками приняла подарок.

— Слушай, тебе не стоит так переживать. Обязательно выпей успокаивающей настойки, а то муж от тебя сбежит.

— Я не хочу, чтобы он от меня сбежал, — пробормотала в ответ.

— О чем и речь! Ты же восемнадцать лет ждала этого брака, так что расслабься и наслаждайся.

— А знаешь, ты права. Нужно думать о хорошем. У меня будет свадьба, — расплылась я в глупой улыбке, от которой Симона скривилась. — Настоящая свадьба. Будут платье, фата, муж. Будет много-много подарков и красивый бал, я прекрасная невеста, и все будут мне завидовать.

— Это больше напоминает какой-то дамский любовный роман, но если тебе от этого легче...

— Нет, постой. Нельзя думать о хорошем. Если мои фантазии не сбудутся, мне станет только хуже. Надо заранее подготовиться к самому печальному исходу событий.

— Я даже боюсь спрашивать, к какому.

Поразмыслив немного, серьезно сказала:

— Муж захочет меня убить.

Брови Симоны плавно поползли вверх, выражая удивление.

— Это логично. Вряд ли герцог Бёме мечтал обзавестись навязанной женой, поэтому он просто избавится от меня. Будет улыбаться на нашей свадьбе и, пока никто не видит, тре-

петно касаться моей руки. А в нашу первую брачную ночь заколет меня кинжалом.

— Напоминает готический роман.

— А его любовница окажется соучастницей преступления. Потом она начнет шантажировать герцога и грозиться, что все расскажет детективу.

— Скорее роман в жанре ужасов.

— А потом они оба скончаются при странных обстоятельствах, и его деньги неведомым образом исчезнут.

— Или даже детектив.

— Кажется, я больше не хочу замуж.

Симона тяжело вздохнула и, приблизившись ко мне, положила руки на плечи.

— Марита, ты красивая, образованная леди. Герцогу Бёме невероятно повезло, что именно ты станешь его женой. Не забывай об этом, когда начнешь приносить клятвы. И ни в коем случае не рассказывай ему про свою двойную жизнь.

От этих слов легче не стало, но я все равно благодарно улыбнулась:

— Спасибо.

— Пока не за что. — Симона ободряюще сжала мою ладонь. — Послушай, сегодня я должна работать в зале, так что мне сейчас придется уйти.

— Хорошо, я подожду немного и выйду следом.

— Марита, только не навернись! Свадьба уже завтра, и до нее точно ничего не заживет!

Мы рассмеялись.

Подруга сказала еще несколько успокаивающих фраз, затем плавно приблизилась к выходу и выскользнула в коридор, тихо прикрыв за собой дверь.

Я вернула косынку на голову. Посидела на подоконнике еще некоторое время, после чего отправилась вниз. Не стала задерживаться возле стойки, спокойно вышла из кабака и направилась к загону.

Мне казалось, что, будучи почти замужем, имея в лучших друзьях дракона и умудрившись три месяца успешно притворяться парнем, к жизни я уже приготовилась.

Но выяснилось, что все это не имеет к реальности никакого отношения.

«Настоящая суровая жизнь» поджидала меня за углом загона. Она схватила меня за куртку с высоким воротником, скрывающим часть бледно-голубых волос, и приподняла над землей.

Я испуганно затрепыхалась, поскольку Тим Донг с такой силой впечатал меня в деревянную стену, что еще немного — и мог проломить мной приличную дыру.

— Хватит выливать сюда пиво, — яростно просипела моя смерть. — Видишь это окно? Видишь?! Прямо за ним находится мой дракон. Еще хоть раз почувствую запах алкоголя рядом со своим стойлом, размажу тебя по стенке, и тогда забудь про Недельный залет. Понял?!

— Да-да-да, прости! — Ох... я, конечно, стойкая, но умоляюще вопить мужским басом выше моих сил. Так что... в общем, Тим Донг не зря насмешливо хмыкнул. Я бы тоже посмеялась, если бы какой-нибудь парень запричитал при мне девчачьим голоском.

Мужчина меня отпустил. Пока я нервными движениями оправляла воротник, мой злейший враг наклонился и подхватил с земли... ночную сорочку.

Держа ее двумя пальцами, словно какую-то заразу, Донг поднял вещь на уровень моих глаз и недоуменно изогнул бровь, которую не скрывала повязка.

— Твое? — уточнил он.

— Ага, стащил у одной красотки из здешних, — затравленно выдавила я, тщетно стараясь придать голосу побольше настоящей мужской уверенности. — Это для моей... моей... любовницы... в смысле она скорее, моя подруга. — Понимая, что меня сейчас либо засмеют, либо вновь впечатают в стену, я обманчиво оптимистично провозгласила: — Она у меня хоть куда! Просто огонь!

Донг брезгливо вернул мне ночную сорочку.

Не успела я облегченно выдохнуть, как услышала в свой адрес:

— Хватит притворяться.

— Что? — испугалась не на шутку.

— Ты — глупый пацан. Никакие фальшивые усы, пиво и хвастовство несуществующими победами этого не изменят. Ты либо приходи сюда настоящим, либо убирайся к чертовой матери.

За что это такие грубости, интересно?!

— А чего это ты сам тут ошиваешься? — попыталась отразить атаку. — Не твое дело, какие у меня победы! Иди... вон, лучше сам девушку подцени!

Я зло махнула рукой в сторону двери в кабак.

Тим Донг прищурился одним своим глазом и сделал шаг назад.

— Я бы с радостью, да не могу, — сказал он.

Развернулся и пошел в сторону загона.

Ох... умнее меня в мире человека не сыскать! У него же шрам на пол-лица, еще и голосовые связки повреждены. Какая уж тут девушка.

— Тяжелый день? — уточнила я, нагоняя его уже в загоне.

— Нет, день прекрасный. И я бы многое отдал, чтобы он никогда не закончился.

— А... — открыла было рот, но мне в лицо уткнулся чужой палец.

— Хватит. Болтать, — раздраженно просипел Тим Донг.

— Я просто еще раз хотел поздравить с победой, — хмуро буркнула и обогнала его, скрываясь в Фенькином стойле.

Тяжело вздохнув, покачала головой.

— Дружок, полетели домой.

Дракон, почувствовав мое крайне пессимистичное настроение, успокаивающе уткнулся мордой в ладонь.

Я оглянулась.

Донг уже дошел до своего темного дракона и вновь начал скармливать ему хлеб. Ненормальный.

— Домой, Фенька. Хватит с нас на сегодня, — решительно сказала и принялась проверять, надежно ли закреплено седло.

Каждая девушка мечтает выйти замуж. Кто-то слушает болтовню ровесниц, кому-то романтические истории рассказывают мамы, тетки и гувернантки, а кто-то читает дамские романы, столь нелюбимые интеллигентным обществом. Фантазия тут же пускается в пляс, рисуя идеальную картинку будущего бракосочетания, где двое — обязательно до безумия влюбленных — целуют друг друга, стоя на краю обрыва. Багровые лучи закатного солнца достигают их счастливых лиц, шум прибоя заглушает веселый смех, а белоснежное платье невесты развевается под теплыми порывами ветра.

Я себя иллюзиями не тешила.

Дата свадьбы с Ричардом Бёме была назначена в тот день, когда Марита Хорвин появилась на свет. Наша семья и семья Бёме тогда владели соседствующими графствами, и наши отцы заключили договор, согласно которому бракосочетание первенцев разного пола скрепит мир.

Время шло, мы с Ричардом росли, но видеться нам запрещали. Этот пункт в договоре выделили жирным шрифтом. Моя мама была крайне недовольна таким условием, но, полагаю,

отцы боялись, что мы не понравимся друг другу с самого начала и сделаем все, чтобы расторгнуть помолвку.

Отец Ричарда умер от черной смерти, когда мне было семь. Мой папа повесился годом позже. Нет, не из-за потери друга, а из-за собственных долгов.

К этому времени король Актории изрядно подрастерял свое влияние. Старший граф Бёме успел воспользоваться ситуацией, и когда Актория вела войну с Осилией — страной, один из портов которой переходил то к одной, то к другой стороне, — заставил соседние графства присоединиться к нему. Это «заставил» носило двойственный характер: с кем-то были заключены договоры, как, к примеру, с нами, к кому-то применена сила.

Расширение территорий, богатство, влияние и возможность содержать собственную армию вынудили короля даровать графу титул герцога.

После смерти отца этот титул перешел к законному наследнику — Ричарду Бёме. Как только я выйду за него замуж, мое графство Годгест официально войдет в состав герцогства Хильдеберхт.

Глубоко копаться в истории я не пыталась. Мой преподаватель заверял, что леди нет необходимости анализировать происходящие события. К тому же мама постоянно повторяла:

— Ты должна быть образованной, но при этом во всем потакать своему мужу и показывать ему, что он намного умнее тебя.

Именно это она приговаривала, пока мы тряслись в неудобной карете.

Три младшие сестры оживленно обсуждали предстоящую свадьбу. Матушка вслух радовалась, что в скором времени можно будет выводить в свет остальных дочерей.

Я же смотрела в окно. Смотрела с открытым от восхищения ртом.

Герцогство Хильдеберхт было прекрасно.

Если в нашем графстве отец всегда пытался заселить новые деревни и приютить чужаков из соседних королевств, чтобы было с кого собирать побольше налогов, то территория герцогства семьи Бёме состояла в основном из незаселенных долин. Пространства эти были огромны. Зачастую приходилось пересекать неровные возвышенности, по которым уходила вдаль извилистая каменистая дорога. По краям же с одной стороны возвышались либо могучие горы с небольшими трещинами по всей плоскости, напоминавшими водную рябь, либо мощные стволы деревьев древнего леса, кроны которых бросали зловещие тени на дорогу.

А с другой стороны нашему взору предстали долины.

На пути их было несколько. И каждая уникальна по своей красоте.

Я до слез пожалела, что в данный момент трясусь в душевной коробке кареты и не могу подбежать к обрыву, раскинуть руки в стороны и полететь. Ветер развевал бы волосы, которые я обязательно распустила бы и кричала бы во весь голос от радости, чувствуя, как бешеный стук сердца отдается в ушах.

Первую долину я увидела ранним утром. С высоты холма она казалась такой огромной, что захватывало дух. Посередине вся земля была вспахана и засеяна зерном. По краям же остались зеленые островки, которые тянулись к холмам метелками высоких трав, а те, в свою очередь, острыми пиками тянулись к облакам. Небо, словно отвечая на подобный знак дружелюбия, спускало на землю золотистые лучи солнца.

— Столько слухов о его богатстве, а это всего лишь зерно, — прошептала я себе под нос.

— Что ты там бормочешь, Марита? — тут же отреагировала матушка. От волнения она размахивала веером во все стороны, но от резких движений покраснелась еще больше.

— Она клятвы репетирует, — воскликнула Майя, вторая по старшинству дочь в семье Хорвинов.

— Нет, просто я только что поняла, почему герцог Бёме так богат. Пока остальные титулованные особы собирают налоги и пытаются нагрabить как можно больше в военных походах, герцог выращивает зерно и продает его, — ответила я.

Матушка возмущенно цокнула:

— Дорогая, что я тебе говорила? Будь мудрой, не умной! Нельзя, чтобы твой муж решил, будто ты умнее его.

— Я не умнее, — успокаивающе улыбнулась. По-моему, она волновалась больше меня.

— О-о-о, я уже не могу дождаться, когда мы приедем! У меня сердце колотится от страха! Я тоже хочу замуж за герцога!

Это Ария. Ей всего четырнадцать, и она любит помечтать о том, как выйдет в свет и встретит на балу свою настоящую любовь.

Мама несколько раз пыталась повлиять на нее, призывая думать при выборе жениха о собственной выгоде, но я попросила повременить с этим еще немного. Пусть ребенок помечтает. Мечты — это прекрасно, особенно когда ты веришь в них всем сердцем.

— Ты, кажется, совсем не волнуешься, — мягким, тоненьким голоском сказала Софи.

Ей десять. Из всей нашей семьи только мы с ней унаследовали от отца магический дар.

Малютка нарядилась в розовое платье с некогда дорогими, а теперь уже изрядно потертыми кружевами. В этом платье когда-то ходила я. Из-за тяжелого финансового положения, на которое обрек нас своей смертью отец, мы донашивали вещи друг за другом. Но Софи, кажется, не испытывала стеснения.

— Я просто знаю, что все будет хорошо, — улыбнулась в ответ.

На самом деле у меня было восемнадцать лет, чтобы смириться. Переживаний за это время накопилось столько, что сейчас я старалась двигаться навстречу судьбе с гордо поднятой головой.

Вторая долина появилась где-то в полдень. Сестры понемногу изнывали от тяжелой и долгой дороги, а я нашла свою отраду в пейзаже, раскинувшемся прямо за окном.

Никогда еще не видела подобного. Летая на Феньке, я наблюдала всякие красоты, но именно на эти мне страшно захотелось посмотреть с высоты драконьего полета.

На этот раз передо мной во всей своей силе, своенравности и непреодолимости предстала река. Потоки бурлящей и кипящей жаждой жизни воды врезались в камни и бились о берега, всем своим видом показывая, что рамки, в которые старалась впихнуть их природа, им не подходят. Река протекала по всей долине, огибала холмы и устремлялась вдаль, заставляя с завистью смотреть, как ее воды свободно уносятся прочь. По берегам росли ели. Их было так много, что с высоты они казались мхом, заполонившим все пространство и местами прикрывшим непокорную реку от любопытных глаз.

— А когда вы встретитесь с герцогом, вы сразу влюбитесь? — с любопытством поинтересовалась Софи.

Я повернула голову в ее сторону, вымученно улыбнулась и решила, что сегодня неподходящий день для разочарований.

— Конечно.

— А когда я вырасту, я тоже женюсь на герцоге?

Мы с сестрами рассмеялись.

— Ты не женишься, а выйдешь замуж, — строго поправила мама свою младшую дочь. — И я лично приложу все усилия, чтобы твой муж был очень выгодной партией!

— А я тоже хочу себе выгодную партию, — мечтательно вздохнула Ария.

— Тебе еще рано, я первая! — возмутилась Майя.

— Мы выйдем в свет одновременно, забыла, что ли?! — Ария аж подпрыгнула. — Просто ты замуж выйдешь раньше меня!

— А Марита не выходила в свет, и все равно у нее будет муж, — тихонько заметила Софи и посмотрела на меня удивленными глазами.

Я взглядом попросила помощи у матушки, и та с энтузиазмом принялась объяснять (в десятый, к слову сказать, раз), как так вышло.

Софи была не права. В свет я выходила, но не как выгодная партия, а как «та самая будущая герцогиня Бёме». Но это даже «светом» назвать трудно. Так, несколько балов в соседнем графстве, на которые нас пригласили только в знак уважения к моему покойному отцу.

Из-за того, что мы небогаты, наша семья считалась нежелательным гостем на подобных мероприятиях.

Но скоро все изменится.

— Марита, ты запомнила, о чем мы с тобой говорили? — взволнованно спросила матушка, когда закончила с объяснениями неувязок в моем замужестве.

Я кивнула, но маме моего согласия не требовалось. Нервно дергая веером, она принялась повторять:

— Будь милой, обходительной. Старайся улыбаться, не vznikай не по делу! Скорее всего, там соберется множество титулованных особ. Веди себя естественно, осанка королевская, походка аккуратная. Сидеть с прямой спиной, к герцогу обращаться с уважением, не забывай добавлять «ваша светлость»! И не ешь ничего со стола, накладывай на тарелку, откусывай маленькими кусочками, поняла? Еще не хватало, чтобы он счел тебя обжорой!

— Все будет хорошо, матушка, — попыталась я ее успокоить.

— Когда ночью отправитесь в его покои, ты не волнуйся, лежи смирно, ничего ему не говори и, даже если будет больно, не смей этого показывать!

— А почему ей будет больно? — озадачилась Софи и снова посмотрела на меня расширившимися от удивления глазами.

Я поспешно отвела взгляд.

Матушка попыталась уйти от скользкой темы, осторожно переключив внимание ребенка на не менее интересные вещи.

А передо мной появилась третья долина.

Я словно во сне увидела, как на зеленом лугу пасутся дикие лошади. Как они бьют копытами о землю, скачут, прекрасно осознавая собственную свободу, пересекая долину от одного края до другого, огибая огромные кустарники и деревья с не-

сколькими стволами и обильной листвой. Деревьев этих было немного, но они походили на огромные почки, выросшие на извилистой ветке.

Я откинулась на спинку сиденья и грустно улыбнулась.

Мы с Фенькой обязательно пролетим над этой местностью. Во что бы то ни стало. Обязательно.

К замку герцога карета прибыла около двух часов пополудни.

Проехали к высоким башням через огромный сад. Дорога без гравия была старательно утоптана, так что карету моментально перестало трясти. Ворота уже открыли.

Замок не походил на те, что я видела прежде. Обычно к замкам вели откидные мосты, вокруг стояли высокие стены, а внутри обязательно находился двор. Но мы прибыли скорее к поместью, нежели к замку в привычном понимании этого слова. Центральная его часть напоминала большой каменный квадрат, в каждом углу которого возвышалось по башне.

На ступеньках, ведущих к парадной двери, стоял герцог Бёме.

Я прикинула к окну, стараясь справиться с колотившимся от страха сердцем.

Одежда на мужчине была дорогой. Черный фрак, под ним — короткий жилет, украшенный золотыми нитями, искусно повязанный галстук, бежевые штаны, черные кожаные туфли. Волосы темные, длинные, забраны в хвост. А вот лицо... я даже непроизвольно сглотнула и приказала коленям перестать дрожать.

Лицо было пугающим.

Нет, само по себе благородное: нос с небольшой горбинкой, скулы четко очерчены, узковатые глаза, брови под стать волосам чернично-черного цвета. Но лежал на этом лице отпечаток чего-то недоброго. Красивое лицо, это трудно отрицать. Однако если приглядеться внимательнее, то на лице угадывалась маска презрения, даже морщинки возле носа словно вросли в кожу.

Как только карета остановилась на подъездной аллее, один из лакеев открыл дверцу и пододвинул к ней подставку из четырех ступенек.

Мы вышли, опираясь на руку мужчины, затем сделали реверансы. Матушка принялась сыпать любезностями. Герцог обвел нас настороженным взглядом, словно размышлял над чем-то. Он смотрел то на меня, то на Майю, то на Арию.

И тут я догадалась: он не знает, кто из нас его будущая жена!

— Ваша светлость, позвольте представить: Марита Хорвин, ваша невеста. — Сделав шаг вперед, я аккуратно подтолкнула Софи к герцогу.

Мне хотелось всего лишь начать наше знакомство с безобидной шутки. После которой матушка испуганно ахнула, а Майя и Ария стали в ужасе переводить взгляды с меня на моего будущего мужа. Софи смущенно теребила тесьму на поясе своего платьяца, а герцог... на его лице не дрогнул ни один мускул.

Сделав вид, что ничего не заметил, он холодно сказал:

— Полагаю, невеста все же вы. Прошу, входите. Арнольд проводит вас в ваши покои. Прошу, не отказывайте себе ни в чем, служанки исполнят любую вашу просьбу. Венчание пройдет в шесть вечера в храме, который находится на территории замка. Возьму на себя смелость попросить вас не опаздывать.

С этими словами граф развернулся и со статью царского льва скрылся в своем замке.

Моя свадьба оказалась вовсе не такой, какой описывали ее мама, гувернантка и любовные романы.

Из нас пятерых переодеться не нужно было лишь Софи, а на сборы отводилось всего три часа.

Ричард Бёме не обманул: служанки действительно были готовы исполнить любую нашу просьбу. Правда, когда я попросила веревку и мыло, они почему-то сделали вид, что ничего не услышали.

Меня превратили в невесту за каких-то три адских часа. Матушка была уверена, что на подготовку отведут как минимум в два раза больше времени. Но герцог оказался неумолим. В итоге на меня нацепили белое свадебное платье. Насильно заставили съесть две ножки курицы, которые держала служанка, чтобы я не запачкалась, и одно пирожное, чтобы за столом я ела совсем чуть-чуть, как образцовая леди.

Служанки бегали туда-сюда, сестры одновременно ныли и рассуждали о моей свадьбе, матушка пила капли от сердца и кричала на всех подряд.

А я отстраненно наблюдала за тем, как из моих длинных волос пытаются соорудить соответствующую прическу, на которую без проблем закрепится фата, и раздумывала, как сбегать из замка на гонки. Во-первых, придется придумать подходящую причину на тот случай, если меня все же поймают. Во-вторых, убедить герцога выдавать мне деньги на несуществующие расходы.

Через три часа на меня торжественно нацепили фату и повели под руки, помогая спуститься на первый этаж.

У входа уже стоял герцог, напоминая мне своим видом об ужасной традиции: до храма жених с невестой едут в одной карете.

Надо сказать, произошла небольшая задержка, потому что платье у невесты оказалось слишком пышным и в дверцу не входило.

Общими усилиями меня все же разместили на бархатном сиденье. Герцог сел напротив, причем, оглядев его с ног до головы, я вдруг поняла, что он остался в том же фраке, в котором выходил нас встречать. А чем он занимался все это время?!

Внезапно на меня повеяло легким духом алкоголя.

Лицо у мужчины было таким мрачным, что мне даже показалось, будто оно потемнело, особенно под глазами.

Из-за напряжения, царившего в карете, я принялась нервно ерзать, но в этом мешке, ошибочно названном платьем, делать это оказалось непросто. А когда я волнуюсь, мне надо чем-то себя занять, иначе могу начать грызть ногти или разреваться.

— Прошу прощения за мои необдуманные действия при нашей первой встрече, ваша светлость, — выдохнула я, чем заставила этого каменного идола хотя бы оторваться от созерцания вида за окном.

Мужчина в упор посмотрел на меня... и кивнул. Все.

— Это была просто шутка, — пробормотала я.

— Я это понял, леди Хорвин, — сказал он мне.

Герцог снова погрузился в себя и повернул голову в сторону.

А я нервно теребила изящные кружева платья. Ох, мама меня уже давно по рукам ударила бы.

— А какое зерно вы выращиваете? — чтобы не молчать, спросила я. И поспешно добавила: — Ваша светлость.

Мысленно обругала себя. Манеры! Не забывать про манеры!

— Простите? — Герцог вновь оторвался от окна. На секунду мне даже показалось, будто с его кожи сошла эта ужасающая темнота.

— Когда мы проезжали поля, я заметила, что вы выращиваете зерно. Простите мне мое любопытство.

— Да, вы излишне любопытны, — холодно бросил он мне и вновь уставился в окно.

В этот момент я поняла, что мой брак по расчету совсем не из тех, где двое становятся если не полноценной семьей, то хотя бы друзьями.

Не удержавшись, обреченно прикрыла глаза.

Осознав это, я впала в отчаяние, попыталась представить себе нашу дальнейшую жизнь бок о бок... и не смогла. В том, что на сборы нам отвели намного меньше времени, чем полагалось, не предоставив хотя бы дня, чтобы освоиться на новом месте, угадывалось стремление герцога разделаться с этим событием как можно быстрее. Так он пытался вскрыть нарыв на коже: болезненно, зато эффективно.

Кроме того, прямо перед бракосочетанием он выпил.

Да, конечно, я тоже не хотела выходить замуж за незнакомого человека. Но если я просто не хотела, то он всем своим нутром сопротивлялся этому. Он не желал со мной разговаривать, смотреть на меня, я была ему не то чтобы неинтересна... Я была ему не нужна.

Под гнетом этих мыслей, сливающихся в комок страха и безнадежности, я выпала из реальности. Конечно, я видела, как мне помогли выбраться из кареты, как мы под руку с герцогом прошли в храм. Помню, как удивилась, поскольку ожидала увидеть тьму приглашенных гостей, но вместо них заметила всего лишь нескольких человек, в нетерпении ожидающих нас на лавочках перед алтарем.

Но я так и не осознала до конца, к какой бездне приближаюсь с каждым шагом.

Так как отца у меня не было, а дядя не смог присутствовать на свадьбе, к алтарю меня вел жених.

Мы остановились перед священником, который поспешно принялся зачитывать венчальную молитву.

Все это время я наблюдала за своим будущим мужем. Тот сначала смотрел на пол, затем глянул на меня, но почти сразу отвел взгляд. Он посмотрел на витражные окна, и на секунду в его глазах промелькнуло искреннее желание сбежать отсюда как можно дальше.

Настало время приносить клятвы.

Ко мне священник обратился первой.

— Клянусь быть своему мужу верным советчиком и твердой опорой во всех жизненных неурядицах, — медленно начала говорить я. — Клянусь поддерживать его во всех начинаниях. Клянусь оставаться рядом и в хорошие, и в плохие дни. Клянусь доверять, ценить, уважать и беречь, делиться надеждами, мыслями и мечтами, если он того захочет. Клянусь делать каждый его день ярче предыдущего.

Мои клятвы были выверены до каждой буковки, потому что я очень боялась поклясться перед Богом в том, чего выполнить не смогу.

Герцог тоже не спешил раздавать серьезные священные обещания незнакомке.

— Клянусь давать тебе все самое лучшее, что есть у меня. Клянусь сопровождать тебя по жизни, заботясь о том, чтобы ты ни в чем не нуждалась. Клянусь уважать тебя как личность и принимать все твои интересы, которые могут быть отличны от моих собственных. Клянусь заботиться о тебе, как о самом себе, — с таким же каменным лицом проговорил Ричард Бёме.

После этого мы выпили священного вина и обменялись кольцами.

Удивительно, но никто из нас в клятвах так и не обмолвился о верности.

Со стороны семьи Бёме собралось не так много родственников. Мать Ричарда — Элен Бёме, статная элегантная леди с проседью в темных волосах и ужасно колючим взглядом. Она явно не жаловала вычурность и на свадьбу сына надела темно-зеленое платье и большую шляпку без лишних украшений, которыми так любят обвешивать себя дамы высшего света.

Присутствовала здесь и младшая сестра Ричарда Герда, приехавшая вместе со своим мужем графом Эсбьерном. Невысокая брюнетка с узнаваемыми чертами лица, напоминающими черты моего мужа, уже в положении. Честно говоря, смотреть на ее округлившийся животик было немного неловко.

Она также не любила вычурность и предпочла серебристый цвет, не разбавленный никакими посторонними цветами и предметами вроде брошек. Только на шее у нее сияло бриллиантовое кольцо.

Приехали еще два барона из соседних земель, представленные как друзья Ричарда. Один из них привез жену и трех дочерей, другой только двух сыновей, которым Майя и Ария постоянно строили глазки.

Стол накрыли в самом замке. Он был пышно сервирован, а среди изысканных блюд попадались даже такие, каких я никогда в жизни не пробовала. В наших краях подобного просто не готовят.

Я не ела. То ли из-за того, что перед венчанием меня успели накормить, то ли из-за кома в горле, возникшего ровно в тот момент, когда нас с герцогом посадили на соседние стулья во главе стола.

Отчужденность и скрытая неприязнь к моей персоне у мужчины так и не прошли.

— Леди Хорвин, удовлетворите мое любопытство: куда же запропастился граф Редгал?

Я удивленно посмотрела на Элен, но мать Ричарда обращалась не ко мне, ведь я уже считалась герцогиней Бёме.

— Ох, наш дядюшка решил как раз накануне свадьбы появиться при дворе! — тут же поддержала разговор матушка. — Заодно и всю свою семью прихватил.

— Вам несказанно повезло, что брат вашего покойного мужа так уважает короля. Боюсь, что мой сын появится в столице только в случае войны, — рассмеялась мать Ричарда.

После этого разговор свернул в сторону столицы, дворца, дворцовых интриг, фавориток короля, моды и того, как важно в наш беспокойный век владеть информацией. Потом Ричарда укорили в излишней отгороженности от мира и посоветовали водить свою жену на балы и задаривать подарками.

Моя мама тут же подхватила эту тему, и женщины, а заодно и все собравшиеся девушки, стали обсуждать, какие аксессуары особенно красят истинную герцогиню.

Я покосилась на своего мужа, за все это время не проронившего ни слова. Надо сказать... он нашел себе поистине интересное занятие: перекатывал горошины с одной стороны тарелки на другую. И взгляд у него при этом был до того уставший, что я ему искренне посочувствовала.

Наклонившись к герцогу, тихо спросила:

— Ваша светлость, не хотите исполнить свой супружеский долг?

Вилка в руках супруга дрогнула, и горошина выкатилась за пределы каемки.

— Что, простите? — Мужчина удивленно посмотрел на меня.

— Вы только и ждете, когда же этот вечер кончится. — Я красноречиво указала на горошину. — А мне в корсете невероятно тяжело дышать. Вы можете спасти меня, а я могу спасти вас.

Мужчина настороженно начал вглядываться в мое лицо, словно силился что-то понять. Затем тихо сказал:

— Простите, я не всегда могу разобрать, когда вы шутите.

— Сейчас я не шучу, ваша светлость. Спасите меня.

Герцог отвернулся, помолчал, понаблюдал за царившим в комнате балаганом и в какой-то момент властно прервал разговоры:

— Приносим свои глубочайшие извинения всем, кто почтил нас сегодня своим присутствием, но нам с супругой пора на покой.

Удивительно, но именно наши мамы поддерживали нас активнее всего. По правилам приличия Актории хозяин дома должен был дожждаться девяти вечера, после этого проследить, чтобы гости ни в чем не нуждались, и только после этого отправляться в опочивальню.

Но родители, кажется, увидели в происходящем какой-то хороший знак, и потому отпустили нас без лишних укоров.

Герцог помог мне подняться по лестнице, терпеливо дожидаясь, пока я преодолею расстояние, передвигалась мелкими шажочками (кто виноват, что мне выдали такое платье?!). Затем в полнейшем молчании мы приблизились к... чьей-то двери.

— Это ваша спальня, — сказал супруг и пропустил меня внутрь.

Я нерешительно разглядывала свою новую комнату и вдруг заметила, как мужчина вытащил из кармана маленький ключик.

— А вот эта дверь ведет в смежные покои.

Ричард подошел к углу спальни, до которого не достигал свет свечей, из-за чего разглядеть что-то на стене было невозможно. Повернул ключ в замочной скважине и... скрылся в темноте.

Я недоуменно заглянула в проход и скорее услышала, чем увидела, как закрылась дверь, ведущая в его покои. Что это значит?! Он ушел?!

Может, он меня оставил, чтобы я переоделась? Но я не смогу снять это платье без помощи камеристки! Вдруг он ее предвительно вызвал, чтобы самому не возиться?

Я присела на краешек огромной кровати и решила ждать. Прошло минут пять, затем десять, но никто ко мне так и не зашел. Я могла бы вызвать служанку, но делать этого решительно не собиралась, потому что была очень-очень зла и расстроенна одновременно.

К этому моменту меня готовили и мама, и Симона, и любовные романы, которые приходилось от всех прятать. И что в итоге? Мой супруг просто сбежал!

Не так должна была начаться моя семейная жизнь! Мы же муж и жена!

Я вскочила на ноги и быстрыми маленькими шагами зашла в темный проход. Просеменила по деревянному полу и налетела на закрытую дверь. Мало того что он сбежал, так еще и заперся! Да уж, поступок настоящего мужчины. Оставил за собой всю полноту власти. Захочет — зайдет ко мне, не захочет меня видеть — спокойно закроется у себя.

Зло фыркнув, выскочила в коридор, едва не запуталась в длинном подоле платья, подошла к главной двери его спальни и яростно постучала. Мне очень хотелось ворваться туда и что-нибудь крикнуть, но я прекрасно понимала, что передо мной предстанет не какой-нибудь Рогатый Дог, а герцог.

Который почему-то не хочет открывать.

Но я была очень настойчива.

В конце концов, когда стук уже начал гипнотизировать и меня стало клонить в сон, дверь открылась. На пороге стоял недовольный Ричард в ночной камизе, доходящей до колен.

Я решительно прошла в покои, не позволив его сиятельству отослать меня прочь.

Услышала, как за мной закрыли дверь. Повернулась к нахмурившемуся герцогу.

— Вы, видимо, запомнили, зачем мы с вами поднялись в мою спальню, ваша светлость, — сделав вид, что не поняла причин его отсутствия, милым голосом сказала я.

— Леди Хорвин, — начал было мужчина, но запнулся и исправился: — Прошу прощения. Герцогиня Бёме, вы вольны вернуться в свою спальню и насладиться сном.

Вот как.

— Ваша светлость, я ваша жена. И без вашей помощи мне это платье сегодня не снять.

Повернулась к нему спиной. Ждать, пока мужчина все-таки приблизится ко мне, пришлось вечность. Так мне показалось в тот момент. И хотя внешне я пыталась проявить спокойствие и уверенность, внутри этого не ощущала совсем. Мне стало страшно. Это был постыдный страх.

Говорить, что ты все знаешь, очень легко. Беда в том, что по рассказам представлять нашу совместную ночь — одно, а почувствовать на деле чужие пальцы на своей спине — совсем другое. Когда герцог расстегнул первую пуговицу на лифе, я не удержалась и вздрогнула. А потом как-то смущенно жглась.

— Похоже, мне нужно объяснить вам, что последует дальше.

В памяти тут же всплыл наш разговор с Симоной. Она почему-то была уверена — мой муж должен знать, что делать.

Это как-то неприятно ударило по самолюбию, но я приказала себе оставаться бесстрашной. Не время думать о других женщинах.

— Я знаю, что будет дальше. Матушка рассказала мне, — добавила поспешно. Мои предыдущие слова он мог понять неоднозначно.

В отличие от некоторых я все восемнадцать лет помнила, что выйду замуж, и не позволяла себе даже глядеть в сторону других мужчин.

Так, Марита, откуда эта злость?

Сосредоточившись на действиях герцога, приказала себе успокоиться. Мужские пальцы расстегнули дорожку из пуговиц на спине, я же сделала это на груди. Лиф платья упал на пол. Герцог терпеливо начал развязывать шнуровку корсета.

— У вас красивые волосы. — Казалось, он сказал это, лишь бы заполнить неловкую паузу, возникшую во время долгого раздевания.

— Спасибо. — Я смущенно улыбнулась.

— Вы владеете ледяной стихией? — тихо шепнул он, и его теплое дыхание коснулось моего плеча.

Кожа моментально покрылась мурашками, а я, сама того не ожидая, немного задрожала, словно на меня подул ледящий ветер.

Как-то все не так. Где же... где нежность? Где то самое приятие, которое чувствуют мужчина и женщина, обнажаясь друг перед другом?

— Да, ваша светлость.

— Пожалуйста, не дрожите так, — недовольно попросил он.

— Простите, — пролепетала я и сделала глубокий вдох.

Симона предупреждала, что мне может не понравиться, но строго-настрого запретила показывать это будущему мужу.

— Прошу вас, успокойтесь, я начинаю чувствовать себя зверем.

Похоже, мои попытки не увенчались успехом.

— Вы не зверь, — покачала я головой.

— Мы должны справиться с этим, вы же понимаете? — Кажется, герцог отступил назад, после чего глухо сказал: — Не обязательно делать это сегодня. Мы можем сделать это, когда вы будете готовы.

— Нет! — выдохнула я и решительно повернулась к нему. Взглянула прямо в глаза. — Нет. Я ваша жена, а вы мой муж, поэтому мы поступим так, как молодожены поступают после свадьбы.

Смелыми движениями избавилась от корсета, а затем, не раздумывая, сняла сначала верхнюю юбку, затем нижнюю. Теперь на мне была лишь прозрачная сорочка, которую мы со служанкой надели на меня тогда, когда матушка вышла в коридор, и белые чулки, подвязанные белыми лентами.

Я выпрямилась и храбро посмотрела на своего мужа.

А он все это время не отводил от меня глаз.

И хотя за окном уже наступили сумерки, небо потемнело, а луна еще не появилась, предоставив нам возможность зажечь свечи перед наступлением ночи, свечей в этой комнате не оказалось. Был лишь тусклый свет, льющийся из окна.

Наверное, я казалась герцогу тенью, но вот его лицо открылось моему взору во всей красе.

Его взгляд скользнул по моей шее, задержался на груди, спустился к талии, ниже, ниже, к ногам... герцог изучал свою новоиспеченную жену. Судя по всему, увиденное ему понравилось. Когда мужчина вновь посмотрел в мои глаза, я едва смогла распознать в этом человеке знакомые черты. Теперь не оставалось сомнений: его лицо действительно потемнело, но не так, как это было в карете. Темнота словно говорила о медленной потере контроля над собой. Щеки впали, под глазами появились темные круги, губы плотно сжались, а глаза... почернели. И вовсе не из-за расширившихся зрачков. Они действительно стали черными.

Наверное, это были лучшие десять секунд, которые мне довелось пережить за день. Я почувствовала себя желанной, мне захотелось, чтобы мужчина приблизился ко мне, коснулся меня.

Но затем в герцоге произошла странная перемена.

Он почему-то вновь оглядел мою фигуру с ног до головы, и его лицо исказила гримаса ярости. От меня не укрылось, как резко он сжал кулаки, а затем и вовсе сделал шаг назад.

— Марита, скажите, у вас уже был опыт любовных отношений? — холодно спросил герцог.

— Что? — Я моргнула, пытаюсь сориентироваться в перемене его настроения.

— У вас были любовники? — в лоб спросил он.

Я пошатнулась и задохнулась от возмущения:

— Да как вы...

— Не надо. — Одним властным движением руки он перекрыл рвущийся наружу поток злости. — Вы не обязаны оправдываться. Я понимаю, брак по расчету нас обоих ни к чему не принуждает. Не стану лезть в вашу личную жизнь, но и вас прошу не касаться моей.

С этими словами он развернулся, подошел к двери, ведущей в смежную спальню, и открыл ее. Для меня.

— Возвращайтесь к себе, герцогиня Бёме. Завтра утром я хочу еще раз обсудить условия брака с вашей матушкой. Надеюсь, вы будете присутствовать. Спокойной ночи.

Я не могла поверить своим ушам.

Меня словно окатили ведром помоев. Схватив лежащие на полу вещи и неловко прикрыв ими наготу, которую обеспечивала прозрачная сорочка, я быстро прошмыгнула мимо застывшего герцога.

Все мамы думают, что их дети ничего не понимают в любви. Это совсем не так.

Прочитав приличное количество любовных романов, я знала, что, если ты встречаешь своего суженного, между вами пролетает искра, которая заставляет сердце биться чаще, ладони потеть, а мысли постоянно возвращаться к возлюбленному.

Между нами с герцогом Бёме искры не было.

В Актории маги — нередкое явление. Королевство находилось на материке Грисконь, что располагался на севере и считался частью развивающегося мира. На южных материках дела обстояли совсем иначе.

Насколько я могла узнать из книг, рабство там сохранялось до сих пор. И к магам было совсем другое отношение. Их боялись, уважали, покупали услуги. В пустыне за мой дар создавать ледяные глыбы кочевники могли отдать все что угодно.

В Актории маги жили и работали наряду с обычными людьми. Их не боялись, не уважали сильнее, чем они того заслуживали, и в рабочей среде за услуги платили немногим больше, чем обычным людям.

Среди аристократов магический дар считался неким бонусом, прилагавшимся к самому человеку, его титулу и деньгам. Для магов нанимали учителей, обучающих контролировать свою силу и использовать ее в благих целях.

Пока известно о четырех стихиях: огонь, воздух, лед и тьма. Многие священники считают, что мир только движется к постижению магии, а некоторые, наоборот, говорят, что мир ее утрачивает. Издавна считалось, что существуют основные стихии, которые поддерживают равновесие, но среди магов не встречалось даров земли и воды в естественном состоянии. Их словно бы заменили лед и тьма.

Тьма, наверное, самая непознанная стихия из всех. Это огонь и воздух, собранные воедино. Тьма может обжигать, а может пронестись мимо тебя стремительным ветром — все зависит от желаний хозяина.

Говорят, опутав носителей дара буквально с ног до головы, она проникает в их сознание и выуживает все страхи, желания, сомнения, чтобы свести с ума. Не знаю, правда ли это. До Тима Донга мне не приходилось встречать магов тьмы.

Правда, так было до вчерашнего дня.

Каждая стихия накладывает внешний отпечаток на своего владельца. У меня, например, светло-голубые волосы — намек на то, что я владею льдом. Огненные маги все как один рыжие. Маги воздуха — пепельные блондины. А у магов тьмы черные волосы.

Возможно, именно поэтому я не сразу распознала в герцоге эту стихию — слишком уж обычные у человека внешние данные. Если бы не потемневшие глаза и тени на лице, я бы, может быть, еще долго не смогла догадаться, что происходит.

Утром мне помогала одеться камеристка. Я выбрала нежное лиловое платье, которое приятно сочеталось с цветом волос, не такое пышное, как свадебное, с небольшим вырезом и длинными рукавами с манжетами. Прическу решила не делать, попросила только заколоть на затылке непослушные пряди.

Не успела сделать и шага из комнаты, как ко мне ворвалась матушка в компании Элен Бёме и двух гувернанток. Свидетели удостоверились, что на простыне осталась кровь.

— Все хорошо, моя дорогая? — внезапно обратилась ко мне мать Ричарда.

— Да, спасибо за беспокойство, леди Бёме. — Я вежливо склонила голову.

— Надеюсь, не за горами тот день, когда вы порадуете нас наследниками.

— Ну, за этим дело не станет, правда же? — расхохоталась моя мама и заставила меня покраснеть. — Как эти голубки вчера убежали от нас, а?

Элен Бёме — мать Ричарда — веселья моей матушки не разделяла. Она как-то странно на меня посмотрела и опять нацепила на себя ту маску холодной неприступной женщины, которую я наблюдала вчера за праздничным столом.

— Пройдемте завтракать, — предложила она.

Мы спустились в столовую как раз вовремя. Герцог Бёме уже ждал нас, занимая свободные минуты чтением утренней газеты. Заметив входящих дам, он галантно поднялся, дождался, пока все рассядутся.

Мне пришлось сесть рядом с мужчиной.

Он придержал для меня стул и, пока я садилась, внимательно смотрел на мою руку. Да, к сожалению, узкий рукав платья обтягивал не только кожу, но и повязку, которой пришлось перебинтовать неглубокую ранку. Издалека это походило на складку, но герцог, кажется, догадался, в чем дело. Не

могла же я порезать ладонь — тогда было бы слишком очевидно, откуда взялась кровь на простыне.

— Надеюсь, леди всем довольны? — учтиво спросил Ричард, когда мы сели.

За столом на этот раз сидели только я, муж, моя мама, его мама и его сестра.

— Не переживай, дорогой, мы привыкли ночевать в твоём мрачном замке, — улыбнулась Герда.

Мрачном? Да не такой уж он и мрачный... по сравнению с хозяином.

— Надеюсь, Роланд о тебе заботится, — сухо произнес герцог, и я так и не смогла разобрать, тревога это или обычная учтивость. — Не хотелось бы, чтобы ты потеряла ребенка из-за недосмотра твоего недалёковидного графа.

— Речь обо мне? — в столовую вошел муж Герды, широкой важной походкой приблизился к своей жене, поцеловал ее в лоб и сел рядом.

Его нежный жест вызвал у меня грустный вздох.

К столу подали первые блюда: омлет, фрукты и хлеб.

— Речь о вас, граф Эсбьерн, — прямо сказал Ричард. — Хочу высказать надежду, что вы не убьете мою сестру.

— А я несказанно рад, что у вас наконец-то появился повод досаждать кому-то, кроме меня и моей жены.

Все присутствующие разом посмотрели в мою сторону, и от такого внимания я чуть не подавилась изюмом.

— Леди Хорвин, выскажете ли вы какие-то пожелания по заключенной сделке прежде, чем я поставлю под договором свою подпись? — перевел тему герцог, обратившись к моей матери.

«По заключенной сделке». Я не ослышалась? Так он назвал наш брак?

— У моего сына совсем нет чувства такта, — вздохнула Элен Бёме. — Ричард, эти вопросы нельзя решить после того, как мы поедим?

— К сожалению, нет. После завтрака я отправляюсь в столицу к графу Редгалу. Мы должны согласовать все нюансы договора и подписать бумаги, а потом мне предстоит оформить в банке расписки о ежегодных выплатах семье Хорвин.

Я застыла от изумления. Герцог Бёме только что вполне конкретно сказал, сколько бумажной волокиты принес ему наш брак и как ему это не нравится.

На растерянное лицо моей матери страшно было смотреть.

— Нет, ваша светлость, пожеланий у меня нет, — сухо отозвалась она. — Кроме одного, — добавила, с демонстративным стуком положив вилку на тарелку. — Не обижайте мою дочь. Прошу меня извинить, что-то мне нехорошо. Я, пожалуй, отдохну перед отъездом.

С этими словами матушка тяжело поднялась из-за стола. Все мужчины поспешно встали вслед за ней и почтительно дождались, пока матушка скроется в коридоре.

Я посмотрела на нетронутый омлет.

Это будет долгий завтрак...

...Даже не представляю, как я его пережила. Сначала мне пришлось усиленно делать вид, что я не замечаю ни напряженной тишины, ни направленных на меня виноватых взглядов. Потом изображала из себя памятник, когда семья Бёме решила выяснить отношения между собой и на повышенных тонах обсудить, какие замечания в данной ситуации уместны, а какие нет.

Когда один из самых ужасающих завтраков в моей жизни закончился, я не стерпела и облегченно вздохнула.

А через несколько минут нагнала герцога Бёме в коридоре.

— Простите, ваша светлость, — окликнула его, призывая остановиться и обернуться.

— Вам что-нибудь нужно? — хмуро спросил Ричард.

Я подошла к нему на приемлемое расстояние, остановилась и смело посмотрела в глаза.

— Я бы хотела попросить вас немного подкорректировать условия «сделки».

Мужчина удивленно приподнял брови:

— В чем именно?

— Дело в том, что, живя дома, я каждую субботу занималась в вечерней школе иностранных языков. В Буклоне. Это город.

— Я знаю, что это, Марита, — раздраженно вздохнул герцог. — Хорошо, я выделю вам средства на обучение.

С этими словами он развернулся и попытался скрыться в комнате, предназначение которой я еще не успела узнать (возможно, это его кабинет, а может, библиотека или еще что-нибудь). Я поспешно схватила его за рукав, но тут же одернула руку, поскольку на меня посмотрели невероятно колючим взглядом.

— Это еще не все, — пролепетала в ответ. Сделала шаг назад. — Я бы хотела, чтобы средства на обучение вы передавали мне лично.

— Вечерняя школа иностранных языков в городе и средства вам лично, — с какой-то странной насмешкой в голосе повторил мой муж. — Вы считаете меня глупцом, герцогиня?

— Нет, ваша светлость, — с вызовом ответила я. — Этой ночью вы оскорбили меня, а сегодня за завтраком — мою мать. Так что глупцом вы станете, если не удовлетворите мою скромную просьбу.

Мужчина, явно не ожидавший такой наглости, на секунду опешил. После чего собрался с мыслями, вздохнул, устало махнул рукой:

— Обещаю поговорить с управляющим.

— Благодарю. — Я сделала скромный книксен. — Приятной поездки, ваша светлость.

С этими словами развернулась и поспешила отойти от этого человека как можно дальше.

Герцог Бёме покинул свой замок, чтобы решить все важные вопросы с моим дядей, который временно распорядился финансами нашей семьи и занимался делами графства.

Мне казалось, что путь до столицы и обратно не займет много времени.

Но Ричард отсутствовал две недели.

— Вы же будете меня навещать? — спросила я у своей матушки в тот же день, когда уехал мой муж.

Стало невыносимо думать, что я останусь в этом замке совсем одна.

— Конечно, мы будем тебя навещать, — тут же закивала Майя.

Мы сидели в покоях матери, где мои сестры приводили себя в порядок под строгим надзором служанок, я меланхолично заплетала косу Софи.

— Не забывайте про меня, — сказала как-то совсем угрюмо.

— А ты его уже полюбила? — с придыханием спросила младшая сестренка.

— Софи, не крутись, — попросила, когда бледно-голубая косичка выскользнула у меня из рук. Пришлось переплести заново.

— А у вас будут дети? — не унималась она.

В такие моменты я чувствовала себя самым глупым человеком на свете. Вопросы мне задавали элементарные, но у меня не находилось на них ответа.

Пришлось искать помощи у мамы.

— Дети рано или поздно будут у вас всех, — громко объявила она.

— Я не хочу детей! — возмутилась Ария. — Они маленькие и гадко пахнут! А еще они постоянно плачут!

— Вы бы себя видели в люльках, — устало вздохнула матушка. — Мы с гувернанткой еле справлялись!

— А я бы хотела детей, — тихо поделилась со мной Софи. — Мы бы с ними играли с феями и катались на драконах.

Я тяжело вздохнула и посмотрела на недовольное лицо матушки.

Сестренка и раньше рассказывала про фей, с которыми она играет по ночам. Маме эти фантазии не нравились, но я ребенку мечтать не запрещала. Нет ничего плохого в том, что она сможет укрыться в волшебной реальности от жестокости внешнего мира.

Драконов Софи обычно рисовала, но вслух про них заговорила впервые.

— Драконов истребили много лет назад, — осторожно сказала я.

— Нет! — возмутилась сестренка, вскочила на ноги и убежала из комнаты.

Я с сожалением посмотрела на свои руки, догадавшись, что косу сегодня так и не доплету.

Софи вернулась через минуту и продемонстрировала мне огромную книгу. Открыла нужную страницу и указала пальцем на иллюстрацию с изображением дракона:

— Они вот такие!

Хм, а действительно, есть что-то общее. Только у реальных драконов чешуя не такая гладкая, морды длиннее и хвосты у всех разные, но все же мощные и чаще всего с выпуклостями, а не как у кошек.

— Красивые, — улыбнулась я.

— Они дружат с феями, — поделилась со мной Софи.

— Марита, ты заплетешь сестре косу или нет?! — возмутилась мама, заметив наши перешептывания. — Карета уже ждет, а мы никак не соберемся!

— Вы можете поехать завтра, — предложила я, посадив Софи перед собой, и вновь принялась колдовать над ее волосами.

— Ты же знаешь, что мы не можем! — Впервые за долгое время я увидела в глазах матери жалость. — Девочкам нужно готовиться к летнему сезону, и надолго оставлять дом без хозяев нельзя, а то слуги совсем от рук отобьются.